

Такое определение априорного хорошо ложится на теорию ПР. Здесь оно касается особенностей восприятия информации. Для нас особо важны две характеристики априорного:

1. Оно тождественно истинному.

2. В порядке данности оно занимает первое место.

Предположим, что у нас есть послание для какой-то целевой группы. Необходимо, чтобы оно было максимально адекватно и положительно воспринято. Чтобы этого достичь, мы можем перед главным посланием дать другое, связанное с ним и воспринимаемое как априорное (=истинному), т.е. послание с самоочевидной (самоданной) информацией, которая не вызывает никакого сопротивления. Хорошо различимая связь первого послания с главным очень важна. Таким образом, информация первого послания усваивается без сопротивления (т.к. оно воспринимается как истинное), а главного со значительно меньшим сопротивлением, т.к. оно воспринимается как логически вытекающее из первого (истинного), а значит тоже имеющее некоторую степень истинности.

Данная особенность восприятия взята нами из техники эриксоновского гипноза. Спектр ее применения предельно широк от повседневного общения до политических манипулятивных технологий. Не стоит пугаться, что здесь присутствует манипуляция (как кажется) сознанием человека. Мы описали лишь одну из особенностей восприятия информации, о которой необходимо знать, которую надо изучать и всегда отдавать себе отчет в том, задействована или нет эта особенность в каждом конкретном случае.

Напомним, что мы не стремились показать генетическую взаимосвязь шелеровской концепции и теории ПР. Мы просто рассмотрели две идеи М.Шелера, заявленные им в работе, и попытались провести некоторые параллели с ПР, попытались артикулировать мысли, на которые нас натолкнуло прочтение «Феноменологии и теории познания».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М., 1995.
2. Чумиков А.Н. Креативные технологии «паблик рилейшнз»: Учеб. пособие. Екатеринбург, 1999.
3. Шелер М. Феноменология и теория познания // Шелер М. Избр. произведения. М., 1994.
4. Шелер М. Формализм в этике и материальная этика ценностей // Шелер М. Избр. произведения. М., 1994.

А.В.Хрубилов

РЕЦЕНЗИЯ НА РАБОТУ М.ФУКО «АРХЕОЛОГИЯ ЗНАНИЯ» [Киев, 1996]

Имея дело с исследованиями, подобными «Археологии знания», неизбежно сталкиваешься с определенным рода трудностями, преодоление которых грозит коренным образом изменить сам подход к полю научно-философских проблем. Прежде всего, возможно, это связано с тем, что Археология последовательно избегает проводить анализ на уровне научного или философского произведения, а ее автор настоя-

тельно предлагает покончить с тем сортом критики, который склонен видеть в пишущем субъекте привилегированную (по отношению к самому письму) инстанцию. Лишь понимание действительной сути данных затруднений способно позволить нам приблизиться к более-менее достойной оценке той работы, результатом которой стала «Археология знания» Мишеля Фуко.

В первую очередь следует заметить, что Археологию в той же степени нельзя называть произведением или книгой, в какой наука или философия не могут считаться ее содержанием. Границы, которые накладывают на нечто написанное понятия «произведения», «философии» или «содержания», оказываются в несколько ином измерении, нежели то, на что обращено пристальное внимание археологии и что невозможно описать в отрыве от этого удерживающего взгляда. Ибо то, что фигурирует в Археологии под названием дискурса, отнюдь не является совокупностью теоретических изысканий, подверженных актам установки, проверки и оценки откуда-то извне.

Археология знания строится как системно-структурное исследование закономерностей дискурсивной практики. Такое исследование не предполагает объяснения своего предмета из какой — либо антропологической природы субъектов и исключает ссылки на осуществляемые этими субъектами разнообразные акты смыслополагания. Производя своего рода подкоп под традиционные модели осмысления реальности, основанные на привычных для европейской культуры категориях смысла, субъекта, знания и порядка, археология, в результате, обнажила целые пласты новых предметных переплетений и зависимостей. И на любом участке этого «геологического обнажения» прежде всего бросается в глаза именно необычное месторасположение предметов исследования, постоянно оказывающихся не там, где их стремишься увидеть. Дискурсивная практика исследуется как система, включающая в себя и субъекты, и смыслы как необходимые элементы своего функционирования. Отсюда и оказывается возможным рассматривать смыслы как функцию объектов (слов и вещей), субъектов — как функцию тех высказываний, которые они употребляют, а знание — как атрибут различных дискурсивных практик, содержание и формы которого выводятся из переплетения и дифференциации связей системы, а не из простого факта отображения объекта в восприятии субъекта.

Таким образом, задача описать дискурс из него самого только на первый взгляд кажется невыполнимой. Стоит лишь чуть-чуть изменить угол зрения, переставить акцент — и нашим глазам внезапно может открыться вид на весьма обширную и неизведанную область исследований. Именно такой эффект дает описание высказываний как функций, то есть описание высказываний со стороны тех условий, при которых производимые ими действия являются выполнимыми. При этом анализ высказываний — это и есть анализ знания на уровне человеческой субъективности, поскольку высказывания выполняют здесь роль своеобразных точек отсчета, независимых ни от сознательности индивидов, ни от различных форм их самообъяснения. Следует еще раз подчеркнуть, что предмет археологии — не абстрактное знание, обнаруживаемое гносеологическим субъектом в виде тех или иных формул-смыслов, а знание, включенное в различные структуры, где оно являет-

ся активным (позитивным и реальным) звеном развития и функционирования этих структур.

В связи с этим Фуко отказывается от традиционного отношения «объект-субъект», показывая, что отношение идей и представлений к тем способам, согласно которым они существуют (формулируются), не есть отношение мысли субъекта к исследуемому ею объекту, так же как противопоставление «материальное-духовное» в этом плане мало что может дать для понимания развития и смены различных дискурсивных формаций. Однако, переход от схемы «сознание-познание-наука» к схеме «дискурсивная практика-знание-наука» вовсе не означает устранение сознания из сферы дискурсивных исследований. Согласно Археологии, существующее у субъектов сознание может изучаться совершенно объективно, по его «предметностям», по значащим для него объективациям, которые рассматриваются в качестве порожденных саморазвитием и дифференциацией системы дискурсивных практик как целого. Просто вместо однородной, уходящей в бесконечность плоскости сознания, выявляются его археологические глубины; оно оказывается теперь чем-то многомерным, составленным из наслоения генетически разнородных, то есть в разное время возникших и по разным законам «движущихся» структур-дискурсов.

Описывая эти законы, в соответствии с которыми организуются дискурсы, Археология занимается ничем иным, как упорядочивает способы манипулирования концептами, что приводит, в результате, к индивидуализации (выделению) дискурсивных формаций. И если не забывать о том, что высказывание является способом существования самих знаков, а описание высказываний обращено к условиям существования различных означающих совокупностей, то нельзя не заметить, что анализ дискурсивных формаций сосредотачивается прежде всего на описании высказываний в его специфичности. Это означает, что уже в высказывании, как частном случае дискурсивной формации, можно раскрыть те закономерности, согласно которым складывается любая дискурсивная практика. Рассеивание фактов, образующих закономерности — основное условие существования высказывания.

Таким образом, описание высказывания как функции существования, принадлежащей собственно знакам, позволяет определить не только порядок объектов (значений) и регулярность позиций субъективности, но также всю совокупность правил, обуславливающих дискурсивную практику в целом, включая сам способ ее осуществления. Фуко выделяет четыре направления, по которым разворачивается анализ высказывания:

- А) анализ объектов высказывания;
- Б) анализ позиций субъекта высказывания;
- В) анализ условий существования высказывания;

Г) анализ способов существования высказывания. Этим четырем направлениям соответствуют четыре области, в которых выполняется функция высказывания и распространяется дискурсивная. Кроме того, произвести анализ по всем четырем направлениям как раз и означает упорядочить дискурсивную формацию.

Цель, которая заставляет Археологию продвигаться столь необычным образом — необходимость извлечь историю мысли от ее транс-

цендентальной зависимости. иными словами, цель Археологии заключается в том, чтобы проанализировать историю, не ограничивая при этом анализ каким бы то ни было предварительно заданным горизонтом и не приписывая ему какую бы то ни было форму субъективности. Археология, как уже было сказано, не может считаться ни наукой, ни основанием для науки будущего, но, тем не менее, она позволяет обнаружить предварительные условия того, что может осуществляться и функционировать как познание или иллюзия, истина или заблуждение, опыт или преодоленное препятствие. Поэтому археологическое исследование остается непосредственно связанным с науками и теориями, отвечающими научной строгости.

*Е.В.Андрянова, А.С.Емельяненко,
А.В.Логинов, А.С.Меньшиков, С.В.Останина*

РЕЦЕНЗИЯ

НА КНИГУ Р.РОРТИ «ФИЛОСОФИЯ И ЗЕРКАЛО ПРИРОДЫ» [Новосибирск, 1997] НА СЕМИНАРЕ МАГИСТРАНТОВ ФИЛОСОФСКОГО ФАКУЛЬТЕТА

А.С.Емельяненко:

Чтение «Философии и Зеркала природы» больше всего напоминает увлекательное и одновременно поучительное путешествие. Философия-как-эпистемология — вот название страны, где побывал читатель. Или же это только название туристического маршрута? Поясним, что имеется в виду.

Различение философии, проводимое Рорти, на «систематическую» и «наставительную», заставляет задаться следующим вопросом: «кто же такой сам Рорти — систематик или наставник?» Нам очень хочется прояснить «позицию» самого автора. Кто наш проводник — туземец, рассказывающий об обычаях и нравах своей страны, или «турагент», «этнограф», «антрополог», короче говоря, тот, кто приходит со стороны. Кажется, ни тот ни другой. Почему? На первый взгляд, форма, в которой излагается история философии-как-эпистемологии («пролегомены к истории философии, ориентированной на эпистемологию», как говорит сам Рорти), ближе всего именно к системе, систематичности. Перед нами история идей, определивших приоритеты европейской философии, их трансформации, борьбы и взаимодействия — весьма детальный обзор. Все, казалось бы, идет к тому, что возникнет новая система, новое разрешение эпистемологической проблематики. Но этого не происходит. Погружаясь в эпистемологию, сам Рорти эпистемологом не становится (равно, в его смысле, и «систематиком»). В чем же тут дело?

Вся история эпистемологии, а точнее, европейской философии, для которой центральной стала эпистемологическая проблематика, преподносится в виде гигантской метафоры. Метафоры, которая, однако, обнаруживает себя в качестве таковой лишь в конце этой истории. Ибо, по Рорти, мы можем говорить о конце эпистемологии, исчерпанности эпистемологической проблематики. Коротко говоря, вся эпистемологическая проблематика для Рорти основывается на ряде «визуальных

© Е.В.Андрянова, А.С.Емельяненко,
А.В.Логинов, А.С.Меньшиков,
С.В.Останина, 2001